

ДЕМЧЕНКО КОНСТАНТИН

НЕ VR

A man in a dark suit and red tie stands in a dark, red, hellish landscape. Behind him is a large, red, devil-like creature with horns and a wide, toothy grin. The background features a dark, red sky, a bare tree, and a rocky, desolate ground. The overall atmosphere is dark and ominous.

# Константин Демченко неVR

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=69791239](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69791239)*

*SelfPub; 2024*

## **Аннотация**

Он затерялся в бесконечной веренице реальностей, неотличимых от кошмара и кошмаров, неотличимых от реальности. Скорее всего, это навсегда. Ну или, как минимум, на вечность. А ведь достаточно было бы просто внимательнее прочитать договор, прежде чем его подписать...

# Константин Демченко не VR

Я бреду по почти утонувшему в темноте лесу, время от времени задирая голову и пытаюсь поймать последние отсветы ударающего за горизонт солнца. Почему-то очень тянет именно в ту сторону, на запад, хотя на самом деле направление не играет вообще никакой роли: я просто не знаю, где оказался. Запад, юг, восток – один чёрт. Но хочется идти за солнцем. Наверное, это что-то из детства, с уроков географии, из той же серии, что мох растёт на северной стороне ствола, а птицы летают низко перед грозой. А может, игры подсознания – тянусь к теплу, к свету, к тому, что даёт надежду.

Именно её, надежды, мне и не хватает.

Я не знаю не только где я, но и как сюда попал. Очнулся между корней огромной сосны, стоящей на краю залитой солнцем поляны, на мягкой подстилке из мха и прошлогодних иголок, и не смог вспомнить, почему так произошло. Одежда – джинсы и свитер – говорили о том, что на охоту я не собирался, более-менее ясная голова означала, что накануне я не пьянствовал, отсутствие ран и синяков позволяло надеяться, что ко мне не применили силу. Конечно, могли просто вколоть какой-нибудь препарат и бросить здесь. Но кому это надо? Хотя, может и надо...

Ничего не помню. Всё, что было до этого леса, скрыто в тумане. Так, какие-то неясные картинки, бессвязные слова, заблюренные ощущения...

Я немного покричал, поругался, посидел, прислонясь к сосне, надеясь, что вот-вот высунутся друзья-приколисты, и я их обматерю, а потом встал и пошёл.

Сколько времени я уже тут брожу – сказать невозможно. Иногда кажется, что я уже не раз видел смену дня и ночи, а иногда, что можно обернуться назад и увидеть то место, где я пришёл в себя. Чаще всего, правда, возникает ощущение, что время вообще не движется и те лучики солнца, что я вижу иногда на кончиках еловых лап, просто нарисованы. Не хочется себе в этом признаваться, но, похоже, разум теряет силы так же, как и тело. Я брежу в брежу...

Я не помню, когда и что я ел в последний раз. Иногда чувство голода заставляет жевать мох и листья, а бывает, что приходится останавливаться и пытаться отдышаться, оглаживая раздутый живот. В эти моменты я подозреваю, что переборщил-таки с растительной пищей и сейчас кишки завяжутся в такой узел, что развязать его сможет только патологоанатом, но через пару тяжёлых вдохов и приступов рези меня отпускает, а живот сдувается и снова начинает подвывать, жалуясь на пустоту внутри. Терплю, сколько возможно, а потом опять срываю, что под руку попадётся, и жую, жую, жую.

Ватные ноги заплетаются, приходится заставлять себя

сделать каждый следующий шаг, то и дело из-под толстого слоя хвои выныривают бугристые корни и норовят уронить меня наземь. Иногда у них получается, и тогда я валюсь на обманчиво мягкое одеяло иголок, прячущее под собой раскрытые шишки, корявые палки и даже обглоданные кости. Уговорить себя встать после такого очень сложно, но каждый раз у меня получается. Как ни странно.

Ещё сложнее, чем приказывать ногам идти – приказывать мозгам не думать. Куда, зачем... Иногда я срываюсь, бечёвка, который я перетянул свои мысли и чувства, лопается, они лезут наружу, и тогда становится по-настоящему плохо. Жалость к себе придавливает к земле, безысходность выбивает дух, скулящий вой прорывается сквозь скрежещущие зубы, слёзы заливают глаза. Не хочется ничего, кроме прекращения этой такой простой на первый взгляд пытки – очень долгой прогулки по лесу.

Конечно, я справляюсь и иду дальше. В никуда...

Кусты, через которые я продираюсь последнее время (минуты или часы, сказать сложно), неожиданно бросились врассыпную, правая нога не нашла опоры, провалилась и потянула за собой всё тело. Сообразить я ничего не успел, но руки и не ждали приказов – сами по себе ухватились за не успевшие убраться подальше ветки кустов, проехали по ним, сдирая листву и срывая шипы, оплачивая вандализм лохмотьями кожи и глубокими царапинами. Я удержался и завис над чёрным провалом.

Но сразу понял, что это не спасение, а отсрочка. Ещё один камень, скорее всего, последний, на чашу безнадёги. Падение неизбежно, а спасти меня может только чудо. А чудес не бывает.

В паре метров подо мной яма, заполненная густой на вид чёрной жижей, приправленной сломанными ветками, листьями и прочим лесным мусором. По её поверхности пробегают еле заметная рябь, местами она вспухает, будто кто-то изнутри пытается выбраться наверх, местами проваливается.

А ещё яма растёт: с краёв постоянно сыпется земля, в жиже исчезают трава, ветки, шишки и даже кусты целиком. Как-то незаметно она увеличилась в несколько раз и уже проглотила приличный кусок леса. Вот не удержалась на корявых корнях толстенная сосна, завалилась, уткнулась в матовую поверхность и погрузилась целиком, на прощание помахав макушкой, которую только что лохматил ветер и пригревало солнце. Какая же там глубина? Бездна?

Рук я уже не чувствую. Не знаю, почему они всё ещё меня держат.

Левая нога дёрнулась, сползла и упёрлась в торчащий корень, руки соскользнули ещё чуть-чуть, я опустился ниже и завис почти параллельно земле. Мышцы взвизгнули. Они чуть не рвутся от напряжения, кости скрипят, едва не выворачиваясь из суставов, тело заходитя в истерику.

Теперь-то я точно не удержусь. Пора отпустить руки...

Прямо подо мной жижу разрезает тонкая щель. Мгновение ничего не происходит, и кажется, и не произойдёт, но вот её края неспеша, словно позволяя моему ещё не окрепшему страху встать на ноги и как следует развернуться, расходятся в стороны. Я вижу глотку с несколькими рядами мелких зубов, как у миноги, и обросшими густой и длинной бахромой стенками. Через края в глотку заливается чёрная жижа и тягучими тонкими струйками стекает внутрь. В нос бьёт ужасная вонь, как если бы там, внутри, кто-то сдох пару недель назад, и потом эту вонь пытались перебить чем-нибудь ещё более мощным: щедро залили ацетоном, уксусом, посыпали «тайдом», поняли, что ничего не помогает и вывалили туда всё, что ещё было самого вонючего: тухлую рыбу, яйца, содержимое сотни-другой больничных уток, свежий, только с ветки, дуриан...

Из глаз брызнули слёзы, дыхание перехватило, тошнота поднялась удушливой волной и прошла по нёбу, словно наждачкой. А ещё стало страшно. Ужас залил меня от пяток до макушки, оттерев на край сознания отчаяние и безысходность. Тут бы закричать – хоть какой-то выход страху, но я не смог – свело голосовые связки.

Пасть открылась уже так широко, что я бы поместился в неё целиком. Бахрома на стенках потянулась вверх, удлиняясь, растягиваясь, вылезая наружу. Вот её кончики уже дотронулись до кожи, скользнули по груди, обвилились вокруг рук и ног...

Только тут полыхнула боль. Плоть мою обжигает огонь, плавит кислота, разъедает яд. Наконец-то прорезается голос, я визжу, захожусь в крике, захлёбываюсь воплями. Щупальца тянут меня к себе, затаскивают в пасть, опускают на сомкнувшиеся ряды зубов. Меня жуют. Медленно, методично отщипывают по микроскопическому кусочку тела каждым прикосновением, снимают слой за слоем кожу, превращают кости и мышцы в мягкую массу.

А я никак не умираю...

Лежу.

Ощущение боли нехотя отступает.

Я просто лежу и дышу той самой вонью, которой пахло на меня из отвратной пасти, от которой меня чуть не вывернуло наизнанку. Как будто бы я уже с ней свыкся, пусть даже приходится втягивать воздух маленькими плотными резиновыми порциями, словно я глотаю шланг для эндоскопии. Но когда я успел? Времени-то прошло...

Я чувствую одеревеневшее и замерзшее тело, ощущаю под собой что-то неровное и жёсткое, никак не похожее на болотную жижу или желудок лесной твари. Руки, раскинутые в стороны и напряжённые, словно я до сих пор сжимаю ветки кустов, разворачиваются, ладони разжимаются, ложатся на твёрдую поверхность, шероховатую, местами выщербленную, с россыпью колючих крошек. Очень похоже на обычный бетонный пол.



Не было никакого леса. Не было мыканья от дерева к дереву без конца и без смысла. Не было обжигающих щупалец и перемалывающих меня заживо зубов.

Всего лишь сон. Кошмар, который наконец-то закончился.

Я облегчённо выдохнул и сразу же напрягся по новой.

Но где я тогда на самом деле?

В голове всё тот же туман, за которым ни зги не видно. Он уже начинает наплывать на воспоминания о пережитом во сне ужасе, но это-то как раз нормально: сны всегда живут недолго, зачастую оставляя после себя только ощущения: страх, радость, сожаление.

Пора и глаза открыть.

Открыл.

Но ничего не изменилось. Как будто бы стало даже темнее: исчезла стая бледных мошек, что до того роилась перед глазами. Абсолютная чернота.

Меня передёрнуло, и я случайно сдвинул ладонь, почувствовал, как впивается в кожу цементная крошка и мелкие камешки. Замер, испугавшись, что смогу привлечь внимание кого-нибудь, скрывающегося во тьме, и испугался ещё больше, когда осознал, что звука не было.

Наверное, показалось... Просто не обратил внимания, не расслышал.

Я провёл ладонью по полу и снова ничего не услышал. Заработал уже обеими руками, прижимая их к полу изо

всех сил, чтобы острее чувствовать боль, загребая как можно больше мусора... Тщетно. Тихо. Зашаркал ногами, с трудом разомкнул сухие губы и громко выдохнул... То есть, попытался громко выдохнуть. Воздух покинул мои лёгкие беззвучно, а подтверждением этой попытки стала только возникшая внутри них пустота. Я хриплю, шепчу, кричу... Но ничего не слышу. Темноту вокруг я не потревожил ни единственным децибелом.

Страшно.

В лесу, то есть во сне, так страшно не было. Сейчас много хуже. Там я мог делать хоть что-то: идти, ползти, падать, подниматься и, самое главное, – видеть и слышать. А что здесь? Здесь ничего. Нет даже звуков. Только вонь. Запах смерти и разложения...

Совсем рядом что-то прошелестело. Показалось? Голова дёрнулась, глаза уставились в черноту, пытаюсь высмотреть хоть что-то, но нет – я будто внутри банки с чернилами. Или я и не мог ничего увидеть? Что если я ослеп? И оглох. А шорох – игра воображения... Короткий смятый звук повторился, только теперь с другой стороны. Словно мышь пробежала, задев брошенный клочок бумаги. И ещё. Но теперь сзади, у самой макушки.

Теперь точно не показалось. Теперь шуршит и тут, и там, и здесь, везде, вокруг. Я даже обрадовался. Не глухой, а значит, скорее всего, и не слепой. Ну я бы почувствовал, ведь правда?

Но что это за шорох? Радость улетучилась так же быстро, как возникла.

Я медленно поднял руки и сложил их на груди. Иллюзия защиты. Это не спасёт, если что, но так я хотя бы собран в одну кучу. Самообман. А ноги? Я подавил огромное желание подтянуть их под себя, лечь на бок, свернуться калачиком, обхватить себя руками, занять как можно меньше неудобного холодного пола. Нельзя уходить в себя, нельзя отгораживаться от реальности, нужно просто подумать и потом сделать. В конце концов, как-то ведь я здесь провалялся настолько долго, что тело затекло, и никто меня не съел...

Шорох насаждает уже со всех сторон, как будто тысячи мышей носятся по кипам упаковочной бумаги. Может, и правда, безобидные домашние грызуны? Непонятно, правда, как при этом ни одна из них всё ещё меня не задела, хотя порою они шумят в считанных миллиметрах от моих ушей. А если это крысы? Они сожрут меня... Или полчища насекомых? Тараканы? Пауки?! Сколопендры?!!

Вдруг чернота стала белеть. Нет, светлее не становится, просто чернила в банке превращаются в молоко. Превращаются в слепящий непрозрачный свет, словно передо мной медленно разгорается энергосберегающая лампочка.

Так же, как совсем недавно поднималась изнутри волна тошноты, каждую клеточку тела начала заполнять паника. И словно в ответ шорох усилился, потом ещё и ещё. Чей-то палец начал методично нажимать на кнопку громкости,

прибавляя единичку за единичкой. А лампочка становится всё ярче. словно к кнопке громкости подключен и диммер.

И звук, и свет уже невыносимы.

Ручейки крови потянулись из ушей и глаз, капельки её стали проступать на поверхности кожи. Это могли бы быть слёзы и пот, но нет, я знаю – это кровь, и она сочится из меня вместе с жизнью.

Паника не успела овладеть мною – растворилась в заполнившем тело шорохе и размылась всепоглощающим светом. Они проникли внутрь, пробив барабанные перепонки и спалив сетчатку, ворвались в мозг, ринулись дальше, по венам и капиллярам просочились в сердце и лёгкие, обосновались в каждой косточке, распухая и заполняя собой поры и пустоты.

Я чувствую, как рассыпаются мои внутренности, как я перестаю существовать.

Меня бросило в жар и подбросило вверх, вырвало из слепого оглушающего ада.

Я резко сел, тяжело дыша и исходя испариной, тряся головой и оглядываясь выпученными глазами.

Шок понемногу отступает. Дыхание успокаивается, пульс замедляется.

Тихо. И я вижу.

Со мной и вокруг меня наконец-то ничего не происходит. Точнее, ничего ненормального.

Я на широкой кровати, раскрытый, чёрно-белое одеяло откинута, ладони ощущают ещё не утраченную свежесть и хрусткость накануне застеленной простыни. Через задвинутые шторы пробивается пахучее солнце, из приоткрытого окна тянет ярким воздухом – осенним, приправленным опавшей листвой и недавним дождём. Оттуда же в комнату залетают и порхают в солнечных лучах бесцветные звуки размеренных взмахов дворницкой метлы и шороха сметаемых листьев.

Шороха...

Я упал на спину, ныряя в мягкую подушку, облегчённо и глубоко вздохнул, втягивая ноздрями умиротворённость раннего утра.

Чёртово подсознание. Как можно показывать мне такие сны?!

Перед глазами с невероятной скоростью замелькали картинки, содержание которых я воспринять не успел, почувствовал только, что ничего хорошего на них не было. Сумел различить только последние, которые словно специально перешли в слоумо: припадающие к земле ветви елей, поваленные деревья, укутанные мхом, испуганный солнечный зайчик, отскочивший от сорвавшейся с макушки дерева капли, выскочившая из-под земли яма..., чернота и струйки крови, тянущиеся к бетонному полу...

Меня передёрнуло.

Надо заканчивать с просмотром ужастиков и триллеров

под чашку виски перед сном, а то так можно и с катушек слететь. Или не в этом дело? Я попробовал вспомнить вчерашний день, но в уши ударил отголосок подвального шелеста, а глаза резануло. Хрен с ним, со вчерашним днём. Ещё успею вспомнить.

Из-за стены раздалось хлопанье дверцы холодильника, потом громкий звон – что-то упало на пол – и тихий, почти неразличимый возглас.

Светка...

Губы растянулись в улыбке, глаза блаженно прикрылись. Я представил, как она, в неплотно запахнутом халате и тапочках с белыми помпонами, слегка растрёпанная, но оттого только более уютная и теплая, достала кастрюлю с макарошками и уронила крышку, выругалась, наклонилась... Не хотела меня будить.

А я не хочу её расстраивать. Не буду пока вставать, сделаю вид, что ещё не проснулся.

Так я и лежу, улыбаясь и ни о чём не думая, пока аромат и скворчание жарящейся яичницы с беконом не подкрались и бесцеремонно не подвинули в сторону запахи улицы. Тут ещё подоспел терпкий дух свежесваренного кофе, и я не стал сопротивляться – вскочил на ноги и вышел из спальни, на ходу натягивая захваченные со стула шорты.

Заскочил в ванную, умылся, почистил зубы и почти помчался на кухню – навстречу Светке и её кулинарным шедеврам (пусть это всего лишь яичница, но пахнет она просто

бомбически).

Светка стоит у плиты спиной ко мне и негромко мурлыкает какую-то песенку.

– Твоя стряпня лучше любого будильника, Светик, – ласково проговорил я, подходя к ней сзади и утыкаясь носом в пышные светлые волосы.

Руки потянулись вперёд и легли ей на талию, скользнули дальше и сцепились в замок на животе.

– Доброе утро, соня, – ответила она, кладя лопатку на подставку и накрывая мои руки своими. – Ну ты и дрыхнешь!

Она развернулась, скользя в моих объятиях и подставляя губы под поцелуй...

Не вышло. Нет губ.

Ни глаз, ни рта, ни носа – лица нет. Один в один одна из близняшек из «Атомик харт», разница только в том, что вместо блестящего металла голова обтянута грязно-серого цвета кожей с какими-то бугорками, впадинами, язвочками... И тонкая, почти невидимая щель, что разделяет голову на две половинки от лба до подбородка.

– И где же мой утренний поцелуй? – наигранно обиженно прошептала Светка... прошипело чудовище, закидывая руки ко мне на плечи.

Голос идёт откуда-то оттуда, изнутри, из-под пористой грязной кожи. Надо бежать, но я не могу пошевелить ни рукой, ни головой, даже моргнуть не в силах, а она, не дожидаясь ответа, медленно, миллиметр за миллиметром, наплы-

вает на меня.

– Тогда я сама... поцелую..., – услышал я за миг до того, как щель раскрылась, позволяя мне увидеть ярко-алую глотку и толстый раздвоенный язык, усыпанный мелкими крючочками.

Где-то я уже видел похожее совсем недавно...

Язык вытянулся вперёд и облизнул правую щёку, плавя кожу и разрывая волокна мышц.

Закричать не получилась.

Пасть надвинулась и захлопнулась, заглатывая мою голову целиком.

Боль...

\*\*\*

Под угрюмыми низкими тучами лениво веял горячий ветер. Он подхватывал мелкий чёрный песок и подбрасывал его вверх, смешивая с кружащимся в воздухе пеплом. На горизонте чадили невысокие вулканы, выплёвывая из недр капли магмы. Воды одинокой реки почти неподвижны, да и водой то, что наполняло её, назвать сложно – тягучая чёрная патока.

Над душной равниной нависала гора, мрачно сверкавшая в отсветах огня. Она сама была похожа на застывшее пламя – рвущаяся вверх, с острыми вершинами, замораживающая, обжигающая.

На одной из вершин, единственной плоской, стояли два



человека: первый в деловом чёрном костюме и лакированных оксфордах, второй в простых голубых джинсах и вязаном свитере со свободным горлом. Про обоих нельзя сказать ничего особенного, если только не приглядеться и не рассмотреть на голове первого маленькие чёрные рожки.

– Ты не первый из смертных, что прошёл через врата. Правда, мотивы у всех были разные. Зачем явился ты? – сказал тот, что в костюме.

– Да ни за чем. Из любопытства. Шлялся по интернету и наткнулся на предложение побывать там, где бывали лишь единицы, и попробовать то, что почти никто не пробовал. Не поверил, связался, подписал договор...

– Теперь веришь?

– Не знаю. Мне кажется, меня всё-таки накололи. Накачали чем-нибудь, и теперь я буду видеть странные сны, пока не отпустит. А то, что мне Ад снится... Так я недавно Данте начал читать, почти осилил. Вот и примеряю теперь модели поведения на себя... Перевариваю прочитанное.

– Ну-ну, переваривай... А я пока проведу ликбез. Система наказаний не исправляет, она наказывает. Ваши тюрьмы – лучшее тому подтверждение. В них человек не становится лучше, наоборот, он ломается. Как максимум, он просто боится снова туда вернуться и потому не совершает преступлений. А у нас всё честно. В названии нет слова «исправительный», – демон коротко хохотнул. – Ад заточен под вечные мучения грешников, и они их получают в полном объёме.

ёме. Но мы не стоим на месте. Нам не чужды инновации. Все эти уникальные локации для каждой категории грешников символичны, но крайне затратны. И теперь это выглядит так, – он повёл холёной ладонью с чуть более длинными ногтями, чем положено, вниз, указывая на ряд открытых контейнеров, почти до краёв заполненных грязно-серыми тускло светящимися шариками. – Это вместилища душ – аналоги девяти кругов, про которые так изящно изложил не осиленный тобой Данте. Каждое соответствует определённому набору грехов, каждый шарик – это душа. Да-да, мы оптимизируем логистику во всех её проявлениях. На вместилище душ проецируется соответствующее греху наказание, и каждая душа получает то, что заслуживает. Виртуальная реальность с полным погружением, если угодно. Признаюсь, суть мы подсмотрели у вас. Берём лучшее и имплементируем... При этом при необходимости мы можем выловить любую душу и работать с ней индивидуально. И палитра ощущений будет намного, несравнимо богаче, чем можно себе представить. Потрошение, купание в кипящей смоле, укусы гадов и даже превращение в них – действительно, но банально. То ли дело блуждание по бесконечным лабиринтам снов, что реальнее реальности, страдание во всём его разнообразии, безграничная свобода истязаний... Вижу скепсис во взгляде? – прервал монолог демон, заглянув в глаза собеседнику.

– Да не то, чтобы скепсис... – неуверенно протянул тот. – Просто... Цистерны какие-то... Куча грязных шариков...

Типа души... Грехи... Это же всё слова...

– Всё никак не поверишь, – понимающе проговорил демон, и глаза его полыхнули багровым пламенем. – Тогда меньше слов, больше дела! Предлагаю испробовать все возможности нашей VR на собственном опыте! Начнём с чего-нибудь простого, но бесконечного и беспросветного, чтобы ты мог погрузиться в бездну отчаяния... прогулка по лесу, думаю, подойдёт. После проработаем... ну, допустим, органы восприятия – зрение, слух... типа того. Получишь полный спектр ощущений. Потом устроим приступ надежды и, само собой, разобьём её в пух и прах! Подмешаем ещё чего-нибудь для пушшего эффекта... любовь, солнышко... – демон увлечённо потёр ладонями. – Как тебе, друг?!

– Да как-то... – начал было «друг», пытаясь скрыть в голосе неожиданно прорезавшуюся дрожь.

– А потом пройдемся по классике... – не слушая собеседника, увлечённо продолжил демон. – Ну например... представим, что ты из числа тех, что «порвал самоуправно оболочку тела»... Самоубийца, проще говоря... Дальше... А дальше посмотрим! Ведь у нас есть вечность!

– А может... – робко проблеял человек.

– Не может, – остановил его рукой демон. – Надо было внимательнее читать договор.

Костюм на демоне вздулся, потом взорвался непрозрачным пепельным облаком, заполнившим собой пространство в радиусе нескольких метров. Человек в джинсах закашлял-

ся, замахал руками, отвернулся, а когда повернулся – спустя мгновение – увидел трёхметрового монстра с тёмно-красной кожей. Тело ничем не прикрыто, но половых признаков не видно, длинный хвост обвивал бугрящуюся мышцами ногу, за спиной вздымались сложенные крылья, но больше всего приковывали взгляд мощные рога, изгибавшиеся и почти смыкавшиеся на затылке. Глаза с чёрной радужкой и ярко-алым зрачком посмотрели на человека, клыкастая пасть распахнулась в жутком подобии улыбки.

– Добро пожаловать в Ад! – раскатисто прохрипел демон и щёлкнул по скале кончиком хвоста.

\*\*\*

Боль...

Я проснулся от адской боли, будто в лицо мне плеснули кислотой. Но она почти сразу улетучилась, оставив о себе только воспоминание. Очень тяжёлое, убийственное – моя любимая Светка съедает меня на завтрак...

Ужасный сон. Кошмар.

Я потянулся рукой, чтобы вытереть испарину, но не смог. Попробовал повернуться – тщетно. Я вообще не чувствую ни рук, ни ног, ни тела. Хотя нет, есть какое-то их подобие... Что за бред?!

Я попытался понять, вспомнить, но меня завалило бесчётным количеством мутных картинок, более-менее чётко я ощутил только последние: слепота, глухота, утро в постели.

ли, чудовище на кухне...

Вдруг безумный коллаж сменился отличного качества видео.

Моя душа, исторгнутая из тела, устремляется вверх, к свету, и тает в нём, но свет вдруг рассеивается, и я вижу монстра с пылающими угольками вместо глаз и змеиным хвостом. Хвост обвивается вокруг меня, сдавливает, поднимает вверх, подносит к глазам и через мгновение небрежно бросает. Лечу, как мяч, по которому ударили клюшкой. Падаю на жёсткую, пропитанную ядом землю, пускаю ростки, вгрызаюсь корнями, тянусь к низко плывущим багровым тучам корявыми ветвями, из которых натужно, причиняя боль и страдания, вылезают наружу редкие листья... Над головой кто-то тоскливо и протяжно кричит, падает на меня, тяжело садится, едва не ломая сучковатую ветвь... Глаз у меня нет, но я вижу, что это огромная птица с человеческим лицом, гротескным, перекошенным, она склоняется ниже и срывает лист... Как же больно... словно вырвали ноготь...

Я здесь уже вечность, и вечность ждёт меня впереди.